

**ДВОЙНАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
МЕЛОДРАМА**

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ МАРИНЫ КРАМЕР!

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут

Три женских страха

Убей свою любовь

Жена самурая

Все оттенки желаний

Жить на свете стоит

Последнее японское предупреждение

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне

Нежная стерва, или Исход великой любви

Первая леди города, или Между двух берегов

Госпожа страсти, или В аду развод не принят

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

Королева мести, или Уйти навсегда

Роскошная хищница, или Сожженные мосты

Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски

Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы

Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие

Визит с того света, или Деньги решают не все

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии

Марго, или Люблю-ненавижу

Алекс, или Девушки любят негодяев

Дар великой любви, или Я не умею прощать

Финальный танец, или Позови меня с собой

Марина
КРАМЕР

Хозяйка жизни,
или ВЕНДЕТТА ПО-РУССКИ

Мост в прошлое,
или ПАУТИНА ДЛЯ ЧЕРНОЙ ВДОВЫ

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 77

Оформление серии *С. Власова*

Крамер, Марина.

К 77 Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски ;
Мост в прошлое, или Паутина для Черной
вдовы : романы / Марина Крамер. — Москва :
Эксмо, 2014. — 576 с. — (Двойная криминаль-
ная мелодрама М. Крамер).

ISBN 978-5-699-74656-9

Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски

Тихая жизнь в Англии. Бизнес в Бристоле. Рядом подрастающий сын и преданный любовник. И — тоска, непреодолимая тоска по родине, стремление навестить могилу любимого мужа... Вот так живет теперь Марина Коваль. И когда желание побывать в России становится невыносимым, Марина все же отправляется туда, взяв с собой, разумеется, близкого друга Жеку Хохла и маленького Егорку. Однако теперь опасность грозит не ей, а Хохлу. Впервые в жизни Коваль понимает, что это такое — ответственность за судьбы других людей...

Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы

Беспощадная и прекрасная Марина Коваль — лидер крупной криминальной группировки — мертва. В этом уверены враги Марины, и лишь несколько человек знают о том, что она превратилась в законопослушную английскую леди Мэриэнн Силву, живущую в тихом пригороде Бристоля. Но проклятое прошлое не отпускает. Старый приятель Гриша Бес, и без того урвавший после Мариной «смерти» огромный кусок, похищает ее сына. Коваль понимает — пока в России у нее есть враг, спокойной жизни не будет. И она возвращается! Возвращается, чтобы мстить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крамер М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-74656-9

**Хозяйка жизни,
или Вендетта по-русски**

— Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... — привязчивая мелодия отдается в мозгу, висит на кончике языка, то и дело соскакивая, как конфетка-драже.

— Ма-а-ам! Хватит! — недовольный детский голос из соседней комнаты.

— Хорошо, милый, я уже перестала.

Коротко стриженная брюнетка встает из кресла-качалки на балконе, тушит в пепельнице сигарету и возвращается в просторную спальню. Черные смятые простыни напоминают о бурно проведенной ночи, на тумбочке — пустая бутылка из-под текилы и стакан с отпечатком красной помады. Женщина падает поперек постели, закинув за голову руки, и закрывает глаза. По лестнице кто-то поднимается, слышны твердые, уверенные шаги.

— Еще не вставала? — Возмущенный мужской голос выдергивает из охватившей все тело неги.

Женщина не открывает глаз, чувствуя, как рядом на кровать опускается такой родной и любимый человек, как его руки касаются лица, убирают со лба челку.

— Не надо, Джек...

— Господи, да ты хоть наедине не зови меня этой собачьей кличкой! — В голосе мужчины звучат недовольные нотки.

— Не могу, уже привыкла.

— Маринка, котенок... — начинает он, но женщина проворно переворачивается на живот и впивается в его рот поцелуем, не давая продолжить.

— Я Мэриэнн, дорогой... ты оговорился, да?

— Все, на хрен! Не могу больше! — Мужчина выворачивается из ее объятий и встает, распахивает окно настежь и морщится. — Проклятая страна, проклятый город, проклятый дом! Ненавижу это все!

Из их окна хорошо виден собор — величественное серое здание из камня, украшенное крошечными скульптурками святых. И сегодня вид его особенно раздражает мужчину. Этот собор — слишком местный, слишком не такой, как церкви на его родине, слишком английский. Как и вообще все здесь...

Брюнетка садится к самой спинке кровати, поджав под себя ноги, берет сигарету:

— Успокойся, Хохол. Можно подумать, мне тут отлично! Но я терплю. Между прочим, именно ты пригласил меня сюда.

Он резко разворачивается, в глазах едва сдерживаемая ярость.

— Да! Это я сделал, я! И только поэтому ты еще жива, ты — и наш сын!

Она сникает. Да, сын... сын, пятилетний Грегори. Егорка. Он сидит сейчас в своей комнате и гоняет по монитору компьютера танки. Если бы не сын, давным-давно бы все было по-другому...

Часть I

СПАСТИ САМОЕ ДОРОГОЕ

Три года назад. Россия

— Тихо, не ори! — Хохол резко встряхнул плачущего Егора, цеплявшегося за его спортивные брюки. — Иди к Даше, не мешай мне!

Мальчик обиженно всхлипнул и заковылял в сторону двери. Хохол даже не встал из-за стола, только покачал головой и продолжил перебирать бумаги. От цифр и непонятных слов болела голова, рябило в глазах, он совершенно ничего не понимал в этих отчетах, акциях и банковских счетах, но привлечь никого не мог — никто не должен знать. Зажмурив глаза и сжав пальцами переносицу, Хохол откинулся на спинку кресла и замер. Через час нужно позвонить в больницу Валерке, их «штатному» доктору, узнать, как дела у Марины, а сил нет. Страшно... так страшно, как никогда не было, даже на зоне, даже потом, когда смотрел в лицо смерти. Страшно, что во время очередного звонка Кулик произнесет фразу типа «Жека, я сделал все, что мог...». Нет, нельзя об этом, нельзя — Ветка, чертова ведьма, всегда говорила, что мысли материализуются. Даже она не в курсе, что Марина жива, даже домработница не знает, так и считает, что две недели назад похоронили они Марину Викторовну, а Егорка теперь сирота. Но так надо, потому что все еще жив брат Ашота, «заказавший» Наковальню. И этим тоже придется заняться ему, Хохлу, — потому что он мало кому может довериться. И еще так хочется заехать в больницу, хоть на секунду, просто посмотреть на Марину, коснуться ее щеки, пусть даже она не почувствует, не поймет... Но и этого нельзя. Хотя...

Решение созрело моментально — раз он не может пойти в больницу открыто, значит...

Услышав шум в кабинете на втором этаже, Даша, сунув Егора сидевшему на кухне охраннику Аскеру, бросилась туда и обнаружила Женьку, лежащего на полу.

— Господи, что случилось? — Она присела около корчившегося на ковре Хохла, и тот простонал:

— Прихватило что-то... болит — сил нет...

— Я сейчас Валерию Михайловичу позвоню, — заторопилась домработница, но Хохол поймал ее за брочину:

— Не надо его дергать... пусть пацаны машину выгоняют, сами поедем... Данила с тобой останется...

— Да, хорошо.

Даша побежала вниз, а Хохол сел на полу, спокойно дотянулся до пачки сигарет, закурил, прислонившись к ножке стола. Ну, да, обманул доверчивую Дашку, а что делать? Все должно быть натурально.

Через час он уже лежал на кушетке в приемном покое и делал вид, что вот-вот умрет от боли. Возле него стояли трое охранников и девочка-регистратор, заносившая данные в историю болезни. Наконец появился и Кулик, мельком глянул на искаженное мученической гримасой лицо пациента и распорядился:

— Сразу в хирургию, будем наблюдать.

— Пацаны... домой езжайте... — пробормотал Хохол. — С Дашки и Егора глаз не спускать — порву!

— Да поняли мы, Жека, — отозвался худой, черно-волосый Аскер. — Доктор, а он — надолго?

— В смысле? — не понял вопроса Кулик.

— Ну, Петрович наш надолго здесь?

— А-а! Это как пойдет. Если аппендицит — прооперируем, недельку полежит, если другое что — будет видно. Но в любом случае сегодня он здесь останется, мало ли.

Охрана покинула приемный покой, а Хохла уложили

на каталку, и две молодые санитарочки с трудом пока-
тили ее в хирургию.

— В сорок пятую его, в двухместку, — распорядился
шедший следом Кулик. — Перекладывайте, я сейчас
зайду.

Он удалился в ординаторскую, а Хохол, которого
девчонки ввезли в пустую палату, сказал:

— Не надсаживайтесь, я сам, — и перебрался на кро-
вать.

Оставшись один, он встал, прошелся туда-сюда по
чистой, прохладной комнатке, потом приник ухом
к стене — там, справа, в большой одноместной палате
лежала Марина. Кулик организовал все очень грамотно,
никому из персонала и в голову не приходило, что это
та самая Наковальня. Она лежала под чужой фамили-
ей, обритая наголо, похудевшая уже до неузнаваемо-
сти, с забинтованным лицом — на всякий случай. Но
была жива — и на остальное Хохлу наплевать, только
это важно.

За стеной ничего не происходило, никаких звуков
не слышалось, да и как могло — Марина без сознания,
шуметь некому. Дверь открылась, и в палату вошел Ва-
лерка, укоризненно покачал головой:

— Зачем встал?

— Не гони, Валера, со мной все в порядке.

— Я тебе покажу — в порядке! — загремел Кулик, по-
няв, что его провели. — Зачем приперся?!

— Валерка... я не могу.. ты не представляешь, что это
такое — знать, что она есть — и не видеть ее.

— Да?! А зачем тогда ты все это замутил?! — заши-
пел Кулик, приближаясь к нему вплотную. — Я каждый
день вынужден объясняться с главным врачом по по-
воду того, что у меня в одноместке лежит невесть кто!

— Деньги-то я проплатил — пусть твой главный зат-
кнется! — перебил Хохол, зло сверкнув глазами.

— Ты же понимаешь — то, что упало в больничную

кассу, нашего главного волнует мало, — вздохнул Валерка, сядя на стул у окна.

— Я понял, — кивнул Женька. — Завтра пацаны привезут — отдашь ему, скажешь, нашлись родственники, но приехать не могут. И пусть больше рот не разевает, иначе грохну.

— Если бы все в жизни решалось так просто! Ну, что — пойдем? Сейчас у сестер пересменок, в коридоре никого, тебя не увидят. Ты ж на ночь собрался остаться, насколько я понимаю? — Хохол кивнул. — Ладно, придумаю что-нибудь, чтобы вас не трогали.

Кулик поднялся и пошел к двери, Женька проследовал за ним. Почти бесшумно он проскользнул за Валеркиной спиной в соседнюю палату, защелкнул замок и только после этого, набрав в грудь воздуха и выдохнув, повернулся к стоящей почти у самого окна кровати. Маринина голова была повязана белой косынкой, глаза, обведенные темными кругами, закрыты, ресницы чуть подрагивали. Обе руки привязаны к раме кровати, и эти брезентовые ленты привели Хохла в ярость. Он распутал узлы, освобождая тонкие запястья, взял правую руку в свои, поднес к губам:

— Котенок мой... здравствуй, любимая... это я, Женька.

Она неотреагировала, но Хохлу это было неважно, он и не ждал. Главное, что она жива, пусть пока и не отвечает, не видит, не разговаривает.

До самой ночи Хохол возился с Мариной, менял постель, умывал, обтирал губкой. Часов около десяти зашел Кулик, осмотрел пациентку и сам подключил капельницу с белковой смесью.

— Валерка, что ж она так похудела? — грустно спросил Хохол, наблюдая за тем, как раствор каплями падает в прозрачную трубку, а из нее стекает в подключичный катетер.

Кулик промолчал. Спорить с Хохлом и возражать бесполезно — когда дело касалось Марины, тот вообще

терял способность рассуждать здраво. Посидев еще немного, Валерка ушел к себе в ординаторскую, а Хохол осторожно прилег на край широкой кровати, обнял неподвижное тело Марины, уткнулся лицом в шею и застонал от собственного бессилия.

— Маринка, прости меня... не сумел тебя закрыть, не просчитал, не подумал... но косяк я исправлю, не успокоюсь, пока не накажу этого барана.

Ответа не было, Марина только судорожно вздохнула, и Хохол нежно поцеловал ее куда-то за ухо, поправил рукой сбившуюся косынку.

— Дома все хорошо, — продолжил он шепотом так, словно до этого у них шла оживленная беседа. — Егорка только плачет по ночам, спит со мной в спальне. Потерпи немного, котенок, я все устрою, и мы уедем. Ты поправишься, вот увидишь... все будет хорошо, Егор вырастет, в школу пойдет.. И ты опять будешь самой красивой женщиной на свете, Маринка...

Хохол шептал ей это на ухо и чувствовал, как ее сердце бьется чаще. Значит, слышит.

— Господи, Коваль... если бы ты только знала, как мне страшно... Как я боюсь потерять тебя, как боюсь, что никогда уже ты не будешь такой, как была... Хотя это не главное — лишь бы ты была, просто была — и все, мне больше ничего не надо. — Он гладил пальцами ее лицо и едва не плакал от захлестывающих эмоций.

Если бы было можно, он, не задумываясь, отдал бы свою жизнь за нее, только чтобы она не лежала вот так безмолвно и безучастно, чтобы снова улыбалась и орала на всех, наводя ужас на охрану. Он воскрешал в памяти каждый миг, когда был с ней, каждый взгляд, вздох, каждое слово. Если бы вернуть назад тот злополучный день, ту секунду, что разорвала все надвое...

«А горцев я все равно в распыл пушу, — продолжил Хохол свой монолог уже про себя. — Это несложно — надо только выследить Реваза. И тогда... мне даже Вилли не будет нужен».

Он уехал из больницы сразу после обхода — за ночь ему «стало лучше», и Кулик «счел возможным» отпустить его домой. Аскер привез конверт с деньгами, который Хохол опустил в карман халата Валерки. Тот понимающе кивнул.

Сев в машину, Хохол велел ехать к Бесу. Сидящий за рулем Степан удивился:

— Чего мы у него забыли?

— А я не успел тебе отчитаться? — рявкнул Хохол. — Совсем распустились! Думаете, если хозяйки нет, так все можно?! Теперь я вам хозяин!

— Ладно, не ори, Жека, — миролюбиво вмешался Аскер. — К Бесу так к Бесу.

До поселка ехали молча, Хохол постоянно курил, пытаясь представить разговор с Веткой. Как сделать так, чтобы она поверила и не протрепалась никому, даже собственному мужу? По опыту Хохол знал, что из Ветки что угодно можно вытрясти с помощью всего двух ударов кулаком. Правда, по-настоящему влюбленный в Ведьму Бес вряд ли пойдет на такие крайние меры, однако...

К счастью, Беса дома не оказалось, Ветка была одна, сидела на балконе второго этажа и читала что-то. В руке дымилась неизменная коричневая сигарка. Хохол не понимал эту ее манеру курить сигары, было в этом что-то странное, вызывавшее в нем чувство неприязни. Курящие женщины его не раздражали, Коваль вообще в последнее время не выпускала из пальцев сигарету, но Веткины сигары бесили.

Заметив въехавшие во двор машины, Ведьма вскочила из кресла и скрылась в доме, а буквально через несколько минут возникла на крыльце.

— Женя!

На ее кукольном лице читалась непонятная Хохлу радость. Можно подумать, она искренне хотела его видеть и была в восторге! Если бы не Марина, ноги его не было бы в этом доме.

— Где же ты пропал, Женька? — стрекотала меж тем Ветка, схватив его под руку и увлекая за собой в гостиную. — Не звонишь, не заезжаешь... Как Егорка?

— Плачет, — буркнул Хохол, садясь в кресло в прохладной комнате. — Попить налей — жарко.

Ветка метнулась к двери, крикнула домработнице, чтобы принесла минералку, потом развернулась и вперила в лицо Хохла прозрачные голубые глазищи:

— Церемония приветствия закончена. Говори, зачем приехал.

— К тебе.

— Ну, догадалась, что не к мужу моему, — фыркнула она, не трогаясь с места и продолжая вглядываться в наливающиеся кровью глаза Женьки. — Что ты хочешь?

— Помощи. Мне больше не к кому обратиться, и к тебе не пошел бы, но выбора нет, — вздохнул он и замолчал — на пороге показалась молоденькая девушка с подносом, на котором возвышались запотевшая бутылка минералки и стакан.

Домработница опустила поднос на столик возле кресла, в котором сидел Хохол, откупорила бутылку и налила пузырящуюся жидкость в стакан.

— Я нужна еще, Виола Викторовна?

— Нет, Настя. Григорий Андреевич приедет поздно, ужинать мы будем сами. Когда закончишь все свои дела, можешь ехать в город, если хочешь.

Девушка ушла, а Хохол залпом влил в себя минералку и, отставив стакан, попросил:

— Сядь, не отвечивай. И глаза не пяль — бесполезно. Если не захочу, чтобы ты знала, так и не заставишь.

Виола коротко хохотнула, но буравить Хохла глазами перестала, села в кресло напротив и закинула ногу на ногу.

— Так я слушаю.

— Словом... Ветка, мне нужна твоя помощь, иначе... иначе Коваль умрет по-настоящему, — выдохнул Женька.